

МАГИСТРАЛЬ

ЛЮСИ МОД МОНТГОМЕРИ

Канун Рождества

Москва

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44
М77

L. M. Montgomery
THE COMPLETE CHRISTMAS STORIES

Перевод с английского *Анны Захаровой* и *Елизаветы Столповской*

Литературный редактор *Анна Матвеева*

Иллюстрация и художественное оформление серии
Анастасии Зининой

Монтгомери, Люси Мод.

М77 Канун Рождества / Люси Мод Монтгомери ; [перевод с английского А. Захаровой, Е. Столповской]. — Москва : Эксмо, 2026. — 192 с. — (Магистраль. Коллекция).

ISBN 978-5-04-245765-4

Рождество у Люси Мод Монтгомери — это не только заснеженные дороги, огонь в камине и подарки под ёлкой. Это время, когда особенно ясно видно главное: любовь, доброта и внимание к другому человеку способны согреть даже в самый холодный зимний день.

Герои этих историй не всегда могут позволить себе дорогие подарки и пышные праздники. Но дети из большой и небогатой семьи Джозефов мастерят сюрпризы друг для друга, девушки устраивают рождественское чудо для одинокой мисс Аллен, а случайные путники, оказавшиеся в доме гостеприимных фермеров, сами становятся тайными помощниками Санта-Клауса. Здесь подарок — это не обязательно вещь: им могут стать забота, прощение, дружба, письмо, отданное другому пирожное или поступок, на который требуется настоящее мужество.

В сборник вошли рождественские рассказы Люси Мод Монтгомери, впервые переведённые на русский язык, а также праздничные главы из её романов «Энн из Зелёных Мезонинов», «Лазоревый замок» и «Джейн из Лантерн-Хилл». Вместе они создают особый мир — уютный, живой и немного старомодный, где даже маленькое доброе дело способно изменить чью-то судьбу, а настоящее рождественское чудо рождается из человеческого сердца.

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44

© Захарова А., перевод на русский язык, примечания, 2026
© Столповская Е., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-245765-4

ПОДАРКИ КЛОРИНДЫ

— Ужасно быть бедным за две недели до Рождества, — Клоринда издала вздох, вобравший в себя скорбь всех её семнадцати лет.

Тётя Эмми улыбнулась. Тёте Эмми недавно исполнилось шестьдесят, и если она не лежала в кровати, то чаще всего проводила время на диване или в инвалидном кресле. Но тётя Эмми не вздыхала.

— Полагаю, хуже, чем в любое другое время, — согласилась она.

Этим тётя Эмми отличалась от остальных. Она всегда всё понимала и сочувствовала.

— Я даже не бедна... я разорена, — меланхолично протянула Клоринда. — Та лихорадка летом и врачебные счета, по которым пришлось заплатить, начисто опустошили мой кошелёк. Мне не на что покупать подарки. Я бы так хотела подарить хоть что-то близким. Но мне это не по карману... вот ужасная, гадкая правда.

Клоринда снова вздохнула.

— Купленные подарки — не единственные, которые мы можем дарить, — мягко проговорила тётя Эмми, — и далеко не лучшие.

— О, конечно, лучше подарить что-то сделанное своими руками, — не стала спорить Клоринда. — Но материалы для хороших изделий тоже требуют денег. Поэтому даже такие подарки я не беру в расчёт.

— Я не это имела в виду, — покачала головой тётя Эмми.

— Но что тогда? — озадаченно спросила Клоринда. Тётя Эмми улыбнулась.

— Попробуй догадаться сама, — отозвалась она. — Так будет лучше, чем если я объясню. К тому же не думаю, что я *могу* объяснить. Возьми в помощь прекрасную строчку прекрасной поэмы¹: «Дар без дарителя — пуст».

— Я бы, скорее, сказала: «Даритель без дара — пуст», — скривилась Клоринда. — И в этом моя беда. Что ж, остаётся надеяться, что на следующее Рождество я не буду таким банкротом. С февраля я начинаю работать в магазине мистера Каллендера. Он предложил мне место.

— Разве твоя тётушка не станет по тебе тосковать? — серьёзно спросила тётя Эмми.

Клоринда покраснела. Какая-то нотка в тётином голосе задела её за живое.

— Да, вполне может быть, — поспешно отозвалась девушка. — Но она очень быстро привыкнет. И я буду приезжать домой каждую субботу. Я страшно устала от бедности, тётя Эмми, и раз мне предоставился шанс самой зарабатывать, не хочется его терять. Так

¹ Поэма Джеймса Расселла Лоуэлла (1819—1891) «Видение сэра Лонфаля» (англ. The Vision of Sir Launfal).

я смогу помочь и тётке Мэри. Мне обещано четыре доллара в неделю.

— Сдаётся мне, она предпочла бы твоё общество, а не зарплату, Клоринда, — заметила тётя Эмми. — Но тебе, конечно, стоит решить самой, дорогая. Быть бедным действительно непросто. Уж я-то знаю. Я и сама бедна.

— Бедна! Вы? — воскликнула Клоринда, целуя её. — Я не знаю женщины богаче вас, тётя Эмми — вы богаты любовью, добротой и умением видеть лучшее.

— Как и ты, милая... ты богата молодостью, здоровьем, счастьем и честолюбием. Разве это ничего не стоит?

— Конечно, — рассмеялась Клоринда. — Только подарки на них, увы, не купишь.

— А ты пробовала? — поинтересовалась тётя Эмми. — Подумай ещё и над этим, Клоринда.

— Мне пора прощаться и бежать домой. Я чувствую себя лучше — вы всегда помогаете людям почувствовать себя лучше, тётя Эмми. Какая серость на улице! Скорей бы выпал снег. Разве не здорово было бы встретить белое Рождество? А то у нас все декабри тускло-коричневые.

Клоринда жила напротив тёти Эмми, в маленьком белом домике за раскидистыми ивами. С ней жила тётя Мэри — единственная родственница Клоринды, ведь тётя Эмми на самом деле не приходилась ей тёткой. Клоринда жила с тётей Мэри, сколько себя помнила.

Клоринда добралась до дома и поднялась в свою маленькую комнатку под козырьком крыши, где пря-

мо напротив окна раскинулись голые ивовые ветви. Она думала о словах тёти Эмми — о рождественских подарках и дарении.

«Никак не возьму в толк, что она имела в виду, — размышляла Клоринда. — Хорошо бы понять, если это мне хоть немного поможет. Нужно приготовить подарки хотя бы для некоторых друзей. Например, мисс Митчелл... она заботилась обо мне весь год и помогала с учёбой. И миссис Мартин из Манитобы. Вот бы отправить ей что-нибудь! Ей, должно быть, одиноко. И, конечно, сама тётя Эмми. И бедная пожилая тётушка Китти в конце переулка. И тётя Мэри, и — да, Флоренс тоже, пусть она повела себя со мной так некрасиво. Я уже не смогу относиться к ней по-прежнему. Но она дарила мне подарок на прошлое Рождество, поэтому хотя бы из вежливости я должна ответить тем же».

Клоринда вдруг оборвала саму себя. Она осознала, что не произнесла бы подобную фразу при тёте Эмми. Значит, что-то в ней не так. Клоринда уже давно заметила эту закономерность: во фразах, которые не хотелось говорить при тёте Эмми, всегда оказывалось нечто нехорошее. Так что на этом она закончила свои размышления.

Четыре дня и три вечера озадаченная Клоринда раздумывала над смыслом слов тёти Эмми. И вдруг разом поняла. Даже если тётя имела в виду что-то другое, у её слов был свой собственный отличный смысл, становившийся всё отчётливее и глубже с течением дней, хотя поначалу Клоринда морщилась от выводов, к которым приходила.

— Я решила проблему с рождественскими подарками, — сообщила она тётё Эмми. — Мне всё-таки есть что дарить, и даже очень дорогое. То есть подарки будут мне многого стоить, но, расплатившись, я стану только богаче. Мистер Грирсон назвал бы это парадоксом. Я всё расскажу на Рождество.

На Рождество Клоринда зашла к тётё Эмми. Снег не выпал, и рождественский день всё-таки выдался тускло-коричневым. Но Клоринду это не печалило. Сердце пело, и ей казалось, что не может быть более чудесного Рождества.

Она положила странный угловатый свёрток на кухонный пол и прошла в гостиную. Тётя Эмми лежала на диване у камина, и Клоринда опустилась рядом.

— Я пришла рассказать вам о подарках, — улыбнулась она.

Тётя Эмми погладила руку, пожимавшую её ладони.

— Судя по твоему лицу, милая девочка, это будет приятный рассказ, — сказала она.

Клоринда кивнула.

— Тётя Эмми, я днями напролёт думала о ваших словах... пока у меня не начинала кружиться голова. И вдруг в один вечер я безо всяких раздумий поняла: мне есть что подарить. И каждый день мне в голову приходила новая и новая мысль. Поначалу мне казалось, что я не смогу подарить некоторые вещи, и тогда я поняла, какая я эгоистка. Я была готова потратить любую сумму на подарки, если бы она имелась, но не хотела тратить то, чем уже обладала. Но я переросла это, тётя Эмми. Сейчас я расскажу вам о моих подарках.

Для начала — моя учительница, мисс Митчелл. Я подарила ей одну из папиных книг. У меня их много, поэтому не придётся жалеть, и всё же я выбрала любимую: мне показалось, что любовь сделает её ценнее. Точнее, я поняла это немного погодя. Поначалу, тётя Эмми, мне казалось стыдным дарить потрёпанную старую книгу, много раз читанную, и с папиными карандашными пометками на полях. Я боялась, что она сочтёт странным такой подарок. И всё-таки подумала: а не лучше ли эта старая книга, которую любил мой отец и которую люблю я, какой-то новенькой вещицы? Я подарила её мисс Митчелл, и она поняла. Кажется, истинный смысл подарка её очень тронул. Она сказала, что это как получить дар из чьего-то сердца.

Потом — миссис Мартин... в прошлом году она ещё была мисс Хоуп — моя чудесная учительница воскресной школы. Она вышла замуж за миссионера, и теперь они живут в каком-то пустынном местечке на западе. Я написала ей письмо. Но нет, боже мой, конечно, это не было обычное письмо. Я писала его целый день, и видели бы вы глаза почтовой служащей, когда я его посылала. В нём описано всё, что случилось в Гринвэйле с тех пор, как она уехала, и я постаралась сделать его как можно более весёлым, насыщенным событиями и полным любви. Я включила в него всё самое яркое и смешное, что только вспомнила.

Следующей была тётушка Китти. Вы ведь знаете, она ухаживала за мной, когда я была ребёнком, и очень меня любит. Тётя Эмми, мне стыдно в этом призна-

ваться, но тётушка Китти, мягко говоря, никогда не казалась мне интересной. Она всегда радуется моим визитам, но я всячески стараюсь от них увильнуть. Старушка почти ничего не слышит, говорит глупости и с трудом соображает. Я подарила ей день. Вчера я взяла с собой вязанье и провела целый день в разговорах с ней. Рассказала ей все гринвэйльские новости, сплетни — всё, что ей хотелось бы услышать. Она была так счастлива и горда. Перед моим уходом она призналась, что годами так хорошо не проводила время.

И наконец... Флоренс. Мы близко дружили до прошлого года, пока Флоренс не рассказала Роуз Ватсон мой секрет. Я всё узнала, и меня это так задело. Я не могла простить Флоренс, и сказала ей, что больше не смогу по-настоящему с ней дружить. Флоренс чувствовала себя ужасно, поскольку я была ей очень дорога, и просила простить её, но мне казалось, что я не в силах. Поэтому мой подарок ей, тётя Эмми... это моё прощение. Вчера вечером я зашла к ней, мы обнялись, и я сказала, что люблю её по-прежнему и снова хочу стать ей близкой подругой.

А подарок тёте Мэри я подарила сегодня утром. Сказала ей, что не поеду в Мюррейбридж и останусь с ней. Она так обрадовалась — и я тоже, теперь, когда всё окончательно решено.

— Твои подарки — настоящие дары, Клоринда, — одобрительно проговорила тётя Эмми. — Что-то твоё, твои лучшие черты попали в каждый из них.

Клоринда вышла в кухню и вернулась со свёртком.

— Я не забыла и о вас, тётя Эмми, — сказала она, разворачивая бумагу.

Внутри оказался розовый куст: собственный любимый куст Клоринды, усеянный белыми душистыми цветами.

Тётя Эмми души не чаяла в цветах. Она приподняла бутон одной из роз и поцеловала его.

— Такой же нежный, как ты, милое дитя, — с любовью произнесла она. — Он будет радовать меня на протяжении всех сиротливых зимних дней. Ты открыла лучший смысл рождественских подарков, не правда ли, дорогая?

— Да, благодаря вам, тётя Эмми. — мягко отозвалась Клоринда.

НОВЫЙ ГОД ДЛЯ БЕРТИ

Он стоял на покосившемся пороге, глядя на заснеженный мир, со сцепленными за спиной руками и задумчивым, обеспокоенным выражением на лице. Дверь позади него резко распахнулась, и из-за неё появилась хмурая женщина с тазом воды для мытья посуды.

— Ты ещё здесь, Берт? — грубовато спросила она. — Чего ради ты здесь околачиваешься?

— Ещё рано, — живо отозвался Берт. — Я подумал, может, будет проезжать Джордж Фрейзер и подвезёт меня до самого магазина.

— В жизни не видала такого лентяя! Неудивительно, что старик Сэмпсон не собирается держать тебя дольше праздников. Господи, успокоить бы наконец этого мальчишку! — воскликнула она, когда из кухни донёсся жалобный плач.

— Что такое с Уильямом Джоном? — поинтересовался Берт.

— Он хочет пойти кататься с горки вместе с мальчишками Робинсонов, но не может. У него даже варёжек нет, будет снова помирать от простуды, — отозва-

лась она таким тоном, будто Уильям Джон однажды действительно умер от простуды.

Берти задумчиво посмотрел на свои старые, тщательно заштопанные варежки. Стоял мороз, а ему предстояло целый день бегать с поручениями. Он поёжился и посмотрел на тётину суровое лицо, не предвещавшее ничего хорошего несчастному Уильяму Джону. Тут он снял варежки и протянул их тёте.

— Вот, пусть возьмёт мои. Я и без них не пропаду.

— Чепуха! — заявила миссис Росс, но уже чуть мягче. — Ты себе все пальцы отморозишь. Не будь дураком.

— Ничего, — настаивал Берти. — Они мне... не очень нужны. А Уильям Джон редко выбирается из дома.

Он сунул варежки в тётину руку и пустился бежать по дороге, точно боялся, что морозный воздух заставит его передумать. В тот день ему не раз приходилось останавливаться, чтобы подышать на посиневшие пальцы. И всё же он не жалел, что оставил варежки Уильяму Джону — бедному, бледному, болезненному Уильяму, на чью долю так редко выпадали удовольствия.

Солнце уже клонилось к закату, когда Берти доставил гору посылок к порогу превосходного дома доктора Форбса. Он стоял спиной к большому эркерному окну и пытался согреть руки, поэтому не увидел два детских личика сквозь заиндевшее стекло.

— Посмотри только на этого несчастного мальчика, Эми, — покачала головой девочка повыше. — Мне

кажется, он продрог до костей. Почему Кэролайн не спешит открыть ему дверь?

— Она идёт, — отозвалась Эми. — Эди, может, упросим её разрешить ему войти и согреться? Бедненький.

Сёстры выбежали в коридор, где экономка забира-
ла у Берти свёртки.

— Кэролайн, — застенчиво прошептала Эдит, — пожалуйста, предложи бедному мальчику войти и согреться — он выглядит таким замёрзшим.

— Уверяю вас, он ещё и не к такому привык, — нетерпеливо отозвалась экономка. — Ничего с ним не случится.

— Но сейчас рождественская неделя, — со значением проговорила Эдит, — когда мама ещё была с нами, она говорила, что в это время особенно важно быть внимательным к тем, кто менее счастлив или богат.

Возможно, упоминание их матери смягчило Кэролайн, поскольку она повернулась к Берти и достаточно доброжелательно предложила:

— Заходи, погрейся. Сегодня холодно.

Берти смущённо проследовал за ней на кухню.

— Садись к огню, — предложила она, подвигая стул, а Эдит и Эми подошли с другой стороны, наблюдая за ним с дружелюбным интересом.

— Как тебя зовут? — спросила Кэролайн.

— Роберт Росс, мэм.

— А, так ты племянник миссис Росс, — кивнула Кэролайн, разбивая яйца в миску и ловко их взбивая. — И сейчас ты работаешь посыльным у Сэмпсо-